

УДК 94

Политика советского государства в отношении аграрной сферы Приангарья в 1920-е годы

В.В. Иванов

Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского,
пос. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Россия
vyachivan@mail.ru

Статья поступила 02.12.2019, принята 17.12.2019

Статья посвящена рассмотрению политики советского государства в отношении аграрной сферы Приангарья после окончательного утверждения советской власти. Показаны основные направления этой политики на протяжении 1920-х гг. Первоначально большевики в отношении крестьянства применяли чрезвычайные военные меры, выраженные в насильственном изъятии продовольствия и запрете свободной торговли. Но под воздействием обстоятельств большевистское руководство вынуждено было перейти к нэпу, который вводился постепенно. В середине 1920-х гг. государство пошло на серьезные уступки крестьянству – было снижено налогообложение, осуществлялась поддержка семенами, производилась выдача кредитов, разрабатывались новые методы ведения сельского хозяйства. Однако уступки оказались номинальными, политика государства носила классовый характер. Государство не отказывалось от мер административного воздействия по отношению к зажиточным крестьянам. В конечном итоге в конце 1920-х гг. партийное руководство вернулось к командно-административным способам воздействия на крестьянство и начало осуществлять переустройство сельского хозяйства на социалистических началах.

Ключевые слова: большевики; землеустройство; Иркутская губерния; командно-административные меры; коллективные хозяйства; крестьянство; налоговая политика; нэп; сельское хозяйство; советское государство.

The policy of the Soviet state regarding agricultural sector of the Angara region in the 1920s

V.V. Ivanov

Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky;
1/1, Molodezhny Per., Molodezhny, Irkutsk region, Russia
vyachivan@mail.ru

Received 02.12.2019, accepted 17.12.2019

The article is devoted to the consideration of the policy of the Soviet state in relation to the agricultural sector of the Angara region after the final approval of Soviet power. The main directions of this policy during the 1920s are shown. Initially, the Bolsheviks applied extraordinary military measures to the peasantry, expressed in the forcible seizure of food and the prohibition of free trade. But under the influence of circumstances, the Bolshevik leadership was forced to move to the NEP, which was introduced gradually. In the mid - 1920s, the state made serious concessions to the peasantry - taxation was reduced, seed support was provided, loans were issued, new methods of farming were developed. However, the concessions turned out to be nominal, state policy was of a class nature. The state did not give up administrative measures in relation to prosperous peasants. Ultimately in the late 1920s, the party leadership returned to command-administrative methods of influencing the peasantry and began to carry out the reorganization of agriculture on a socialist basis.

Keywords: Bolsheviks; land management; Irkutsk province; command and administrative measures; collective farms; peasantry; tax policy; NEP; agriculture; Soviet state.

После разгрома Колчака и окончательного установления власти Советов на территории Приангарья большевистское руководство планировало осуществить кардинальное переустройство сельского хозяйства на основе социалистических принципов. Перед партийным руковод-

ством стояли задачи восстановления сельского хозяйства от последствий Гражданской войны, реализации своей продовольственной политики, а также введения коллективных способов хозяйствования, которые, с точки зрения коммунистов, являлись прогрессивными.

В результате Гражданской войны на территории Иркутской губернии пострадало около 700 селений и 10 338 крестьянских хозяйств, что составляет 53,68 % всех хозяйств региона. В результате боевых действий и общего хозяйственного кризиса в аграрной сфере Приангарья начал остро ощущаться недостаток семян, значительно уменьшилось количество крестьянского инвентаря и сельскохозяйственных орудий [1, с. 14.].

Если в 1917 г. на одно крестьянское хозяйство приходилось 4,3 десятины посева, то уже в 1920 г. это число сократилось до 3,3 десятины. Если в 1917 г. на 100 душ населения приходилось 75 десятин посева, то в 1920 г. этот показатель упал до 57,6 десятин. Сократилось и поголовье скота: если в 1917 г. на одно хозяйство приходилось 1,96 рабочих лошадей, 1,86 коров, то в 1920 г. это число уменьшилось до 1,80 рабочих лошадей и 1,67 коров. В дальнейшем в результате продразверстки и советской налоговой политики к 1922 г. посевная площадь крестьянских хозяйств сократится еще на 10 % [2, с. 19, 20].

Тем не менее, следует отметить, что сельское хозяйство Приангарья в силу географических особенностей и обстоятельств пострадало гораздо в меньшей степени по сравнению с общероссийскими показателями. Сокращение посевной площади соответствовало общероссийским масштабам и составляло примерно 28 % (в 1917 г. — 331 тыс. десятин, в 1923 г. — 225,3 тыс. десятин, в целом по стране в 1917 — 105 млн десятин, в 1923 г. — 77) [3, с. 2]. Однако животноводство понесло незначительный ущерб по сравнению с общими показателями по РСФСР. В 1917 г. крестьянские хозяйства насчитывали 220 309 лошадей, а в 1920 г. — 218 361 [18, с. 2], в то время как в СССР в целом количество лошадей сократилось с 34 до 28 млн, т. е. на 16 % [4, с. 112], крупного рогатого скота — на 14 %, а в СССР в целом — на 25 %. Впоследствии эти факторы в период нэпа скорректируют политику местных властей, заставят их уменьшить помощь крестьянскому хозяйству и ограничить рост закупочных цен.

Иркутский губревком начал активно оказывать помощь крестьянству в восстановлении разрушенных хозяйств. Для этой цели 1 марта 1920 г. была образована губернская комиссия по оказанию помощи разоренным хозяйствам (губкохоз). Члены губкохоза составляли списки и брали на учет пострадавшие хозяйства, а затем уже принималось решение об оказании помощи. Однако эта помощь носила отчетливо классовый характер. Комиссия возмещала ущерб в первую очередь организованному населению, т. е. группам крестьян, сплоченных в одно самостоятельное целое, а также тем сообществам земледельцев, которые стремятся на местах организовать коммунальное хозяйство или общественные запашки.

Пострадавшее население было разделено на четыре категории: «К первой относили домохозяев, у которых отобрана последняя лошадь, и которые имеют преимущества для получения ее от правительства. Ко второй категории относили население — лиц, имеющих две лошади и обоих лишившихся, таким людям, при наличии запаса, давалась две или одна лошадь. К третьей категории относили лиц, имеющих три лошади и лишившихся их частично или полностью. Им, в первом случае, добавляли недостающее количество лошадей до трех, во втором случае, соображаясь с размером хозяйства потерпевшего, давали не более двух лошадей. К четвертой категории — лиц, имеющих 4 и более лошади, им добавалось, сообразуясь с хозяйством, до 3–4-х лошадей» [5, л. 27]. Всего было выдано крестьянам только 1 764 лошади и 15 тыс. пудов семян [6, л. 3 об.].

Одновременно с помощью земледельцам большевистские власти постепенно приступают к реализации своей продовольственной политики, которая впоследствии нанесет сельскому хозяйству большой ущерб. Для выполнения этой задачи в феврале 1920 г. был сформирован Иркутский губернский продовольственный комитет (губпродком), который начал осуществлять продразверстку.

Продразверстка была одним из способов осуществления коммунистического эксперимента по созданию в деревне бесклассового общества, а также способом обеспечить продовольствием города путем осуществления прямого товарообмена. За собранный по продразверстке хлеб крестьяне должны были получить промтовары. Цель и принцип продразверстки выражались в лозунге «ограбь кулака, не обидь середняка, дай бедняку» [7, с. 2].

Первоначально осуществление продразверстки носило мягкий характер. Губпродком изымал у крестьян хлебные излишки с помощью своих агентов на местах по твердым ценам. Помощь в осуществлении разверстки оказывали кооперация, а также особый продовольственный комитет 5-й армии. Для того, чтобы побудить население к выполнению разверстки на местах, практиковался созыв волостных и сельских собраний. На этих собраниях продработники агитировали земледельцев за скорейшее выполнение разверсток, и крестьяне обещали помогать по мере возможности. К сентябрю 1920 г. было собрано 503 585 пудов хлеба [8, л. 5, 6].

В сентябре 1920 г. характер продразверстки изменился. Весь заготовительный аппарат губернии был передан в ведение губпродкома, кооперативные организации от хлебозаготовок были отстранены. Свободная торговля запрещалась. Для осуществления насильственного изъятия хлеба задействовались бойцы из частей Внутренней охраны ВОХР, а чтобы не допустить прибытия крестьян

ян в город с целью торговли хлебом, создавались специальные заградительные отряды [9, л. 15].

Осуществление продразверстки сопровождалось массовыми злоупотреблениями со стороны властей, вызвало массовые крестьянские восстания и нанесло серьезный ущерб сельскому хозяйству Приангарья. «В марте 1921 г. в связи с изменением государственной политики Сиббюро ЦК принял решение об отмене продразверстки, однако по Иркутской губернии она продолжалась до мая 1921 г. В мае месяце, с наступлением посевной кампании, выполнение разверсток прекращается. Исходя из заданий Сибпродкома, продразверстка была выполнена на 102 %, собрано более 3 миллионов пудов хлеба (при урожае в 6,8 млн пудов), 220 тыс. пудов картофеля, 1 150 тыс. пудов сена» [10, с. 24].

Вместо продразверстки был введен продналог, который был значительно меньшим по объему, чем разверстка, и составлял по Иркутской губернии 1,65 млн пудов. Оставшимися после уплаты продналога излишками сельхозпродукции крестьянин мог свободно распоряжаться и продавать на рынке. Однако излишков сельхозпродукции у иркутского крестьянина в ходе налоговой кампании оставалась мало, поскольку продналог необходимо было оплатить со значительно уменьшившегося посева 1921 г. В итоге сумма всех видов продналога с десятины посева оказалась не ниже, а выше разверстки.

Темпы сбора продналога были очень низкими. В декабре 1921 г. удалось выполнить только 70 % задания. Для выполнения задания властям приходилось объявлять продовольственный двухнедельник, задание было выполнено только к 25 января 1922 г. [11, с. 4]. При сборе продналога власти прибегали к репрессиям, не меньшим, чем при разверстке. Так, по данным губпродкома, с 1 сентября 1921 по 1 января 1922 г. было арестовано 2 028 неплательщиков и 473 чел., на которых наложена пеня. К различным срокам был осужден 81 чел. [9, л. 98].

В 1922 г. в дополнение к продналогу был установлен общегражданский денежный налог (25 млн р.), а также масленичный и яичный налоги. Эти налоги вызвали ропот и недовольство крестьянских масс и выполнялись с трудом, только под нажимом властей. Однако план сбора продналога на 1922 г. был полностью выполнен [12, л. 8].

Вскоре, столкнувшись с кризисом сельского хозяйства и массовым недовольством, большевистские власти пошли на серьезные уступки крестьянству. В 1923 г. взамен продналога был установлен единый сельскохозяйственный налог, который начал собираться полностью в денежной форме. Государство оказало активную помощь крестьянству семенами.

Положение земледельцев улучшилось, однако из-за неразвитости торгово-закупочной сети пере-

ход к денежному налогу вызвал резкое снижение цен на сельхозпродукцию. Крестьяне не могли выгодно продать свой хлеб и стали нести большие убытки. Низкие закупочные цены вызвали массовый ропот и недовольство земледельцев. В Усть-Удинской волости овчинник Николай Туринцев в разговоре о ценах на хлеб выразился так: «Пускай мне башку открутят, если хлеб будет стоять в одной цене, как пишут в газетах и как разъясняют крестьянам» [13, л. 4]. Если в европейской части страны государство использовало рыночные методы регулирования хлебозаготовительных цен, то сибирское руководство вело себя более консервативно. Осенью 1922 г. сибирские власти установили предельные директивные цены на зерно и передали монопольное право на его закупки Сибконтгору «Хлебопродукта» и потребкооперации. И лишь вмешательство центральных властей остановило ремонополизацию сибирского рынка [14, с. 487].

Государству пришлось срочно создавать сеть торгово-закупочных государственных кооперативных организаций, щедро выдав им огромные кредиты. В результате этих мер цены на хлеб в начале 1924 г. возросли, что способствовало дальнейшему росту сельского хозяйства [15, с. 21].

Период 1925-1926 гг. является самым благоприятным временем для крестьянства Приангарья в период нэпа. РКП(б) провозглашает курс «лицом к деревне». Государство производит снижение налогообложения более чем на 40 %, расширены законодательные рамки возможности найма рабочей силы. Зимой-весной 1925 г. закупочные цены на хлеб были значительно повышены. Сельскому хозяйству оказывается активная помощь кредитованием, производится агрономическая помощь. Все эти мероприятия положительно сказались на развитии аграрной сферы региона.

К сожалению, уровень поддержки сельского хозяйства со стороны местных властей оставлял желать лучшего. Если в 1924 г. местным бюджетам на развитие аграрной сферы Приангарья было выделено 2,4 % средств, в 1925 г. — 3,7%, то в других регионах Сибири этот показатель начинался от 4,1 % и в среднем составлял 6,4 %. В итоге на многих участках не хватало квалифицированных работников. Из 23 агроучастков было заполнено техническим персоналом всего 19, из 15 врачебно-ветеринарных пунктов — 8. По оценке И. Маслова, «агрономическая организация в Приангарье слаба и удовлетворить требования крестьянства на агрикультурные мероприятия в достаточной мере не может» [16, с. 2].

Сдерживала развитие сельского хозяйства и заготовительная политика местных властей. Летом 1925 г. в результате манипуляции местных органов власти заготовительные цены в регионе оказались ниже, чем в Западной Сибири, а сельскохозяй-

ственный налог был довольно обременительным. Поэтому сельское население в заготовительном сезоне 1925–1926 гг. было вынуждено отчуждать больше хлеба на рынок, чем следовало. Несмотря на то, что Иркутская губерния являлась потребляющей, ввоза в нее хлеба в этот период из других отдаленных регионов не происходило, так как недостаток хлеба был покрыт обилием крестьянского хлеба на рынке и ввозом его из аймаков БМАССР, которые ранее входили в губернию [17, л. 12].

После переписи населения 1926 г. изменилась налоговая система, сложные системы пересчета продуктов сельского хозяйства и хлебные единицы были ликвидированы. Вводился налог на неземледельческие занятия населения. Существовала целая система льгот и скидок, например, по СССР от налога освобождалось 35 % хозяйств. В случае временного ослабления скидка давала крестьянину стимул развивать свое хозяйство, но зачастую она порождала у ленивых хозяев презрение к труду. По справедливому замечанию В.А. Шаламова, эта мера была чисто идеологической и мало оправдана с экономической точки зрения [18, с. 52, 53].

Государство проводило работы по землеустройству с целью устранения чересполосицы, дальнотрава, длиннополосицы и мелкополосицы. Предпринимались попытки утвердить паротравапольное направление в земледелии в рамках правильного севооборота [19, л. 113].

Между тем, временные серьезные уступки земледельцам не означали того факта, что партийное руководство отказывается от командно-административных мер воздействия на деревню. Налоговая политика носила классовый характер, основная тяжесть налогообложения ложилась на плечи зажиточных крестьян, с беднейшего крестьянства налог взимали небольшой. «Власть не тем помогает, которые развивают сельское хозяйство, а лентяям. Дает им льготы, сложенные по налогам, кредиты, они не заботятся об улучшении своих хозяйств», — отмечали земледельцы [20, л. 141]. «Налоговая политика никуда не годится. Одних освобождают совсем, а других валят непосильно, а потому мы принуждены скрывать объекты обложения», — говорили зажиточные крестьяне [13, л. 270].

Выдача сельскохозяйственных кредитов осуществлялась преимущественно бедняцким слоям деревни. Как отмечало правление Иркутского общества сельхозкредита в 1925 г., «укрепление влияния бедноты — главная задача, ибо с ростом активности зажиточных и середняка возможно потеснение бедноты» [21, л. 3].

Поддержка в первую очередь беднейших слоев со стороны государства проявлялась и в вопросе землеустройства. Сотрудники губземотдела отмечали: «Непереоборимым препятствием к органи-

зации территории и населения является платность землеустроительных работ самим населением. И при этом порядке регулирования землеустройства в желательном направлении является неосуществимым, так как инициаторами землеустройства, в целях реорганизации сельскохозяйственного производства на рациональных началах, являются исключительно почти бедняки и середняки, а они не в состоянии платить за работы. Это последнее обстоятельство есть лучший помощник состоятельным классам деревни удержать дедовские способы хозяйничанья, приносящие им значительные выгоды и обездоливающие бедноту». Составители отчета рекомендовали губернским властям осуществлять землеустроительные работы за счет средств местного госбюджета, так как это дает полную возможность провести землеустройство в правильном направлении [17, л. 4 об.].

В ходе землеустроительных работ отмечались случаи ущемления зажиточных крестьян, когда земельные участки распределялись равномерно, вне зависимости от их качества. Власти настойчиво хотели сохранить крестьянскую общину и не поощряли выход из нее. Например, в Зиминском уезде зажиточный крестьянин Мордовцев заявил: «Землю делить не надо, а нужны хутора». На это общее собрание ответило: «Хутора с хорошей землей вам не дадим». Было принято решение распределить и хорошую, и плохую землю поровну [13, л. 267].

Дальнейшее развитие землепользования большинством экспертов виделось в постепенном и повсеместном переходе от парозалежной системы к паротравапольной (травапольной). В марте 1925 г. в газете «Власть труда» автор под псевдонимом «Агроном Поносов» отмечал: «Несмотря на количественное восстановление, сельское хозяйство губернии переживает состояние внутреннего кризиса, здесь нужна решительная мера. Она заключается в изменении всей системы хозяйства, в перестройке его на началах паротраваполья. От бесменного возделывания хлебов пашня утрачивает строение, и почва теряет плодородие. В паротраваполье естественную залежь должна заменить искусственная — посев на полях многолетних трав. Два-три года стояния травы сделают больше, чем естественные залежи 10–15 лет, восстановят почвенное строение и полевые физические свойства, а с ними восстановится и плодородие» [22, с. 2].

Данный проект власти пытались воплотить в жизнь, но, к сожалению, он не получил массового применения. Вместо этого происходила ликвидация остатков залежно-парового хозяйства и постепенный переход к паровому трехполью, вначале безнавозному, а затем с навозным удобрением. По Восточной Сибири на 100 га посева приходилось 72,3 га пара и только 4,1 га залежи [23, с. 114].

До революции правительство проводило переселенческую политику крестьян в Сибирь. Власти пытались решить проблему малоземелья в Центральной России, ослабить остроту аграрного вопроса во внутренних губерниях средней полосы. За годы столыпинской аграрной реформы в Сибирь переселилось более 3 млн крестьян (75,4 % в Западную Сибирь, 24,6 — в Восточную, 3,3 — в Иркутскую губернию) [24, с. 247].

Историк В.А. Шаламов отметил, что большевики к переселению относились противоречиво. В первые годы после революции советские руководители полагали, что переселение откладывает радикальное решение земельного вопроса. Лишь только после 1925 г. комиссия Госплана начинает разрабатывать план социалистической колонизации. Переселением стал заведовать Переселенческий комитет при ЦИК СССР, в Новосибирске открылось Управление колонизации Сибири. В Сибирь прибыло за 1920-е гг. около 910 тыс. переселенцев. Быстрыми темпами шла колонизация Приангарья, численность населения здесь возросла на 35 тыс. чел. за счет переселенцев [18, с. 35-37].

На протяжении 1920-х гг. местные власти активно занимались решением национального вопроса. Большевики решили предоставить национально-государственную автономию бурятскому населению. Создание этой автономии оказало существенное влияние на крестьянство Приангарья.

9 января 1922 г. по решению ВЦИК была образована Бурят-Монгольская автономия (с августа 1923 г. — БМАССР), западная часть которой располагалась на территории Приангарья. Руководство республики без объяснения причин закрыло для переселенцев колонизационный фонд. Установление новых административных границ придало дополнительный импульс земельным и налоговым спорам между бурятским и русским населением. Многие крестьяне пограничных селений оказались обделенными. Например, русские жители ряда волостей Верхоленинского уезда лишились принадлежащих им сенокосных угодий у р. Куленга, так как эта территория была включена в БМАО. Бывшие владельцы сенокосов вынуждены были арендовать их у местного приграничного бурятского населения. Подобные случаи фиксировались на территориях Евсеевской волости Балаганского уезда, Бардинской волости Иркутского уезда и в других местах [25, л. 186].

В 1925 г. на совещании в Верхнеудинске было решено оставить границы Бурятской республики твердыми, пересмотр их признать нецелесообразным. «Вопросы регулирования земельных отношений по спорам, возникающим между населением приграничной полосы, проводить через Паритетную комиссию. Частичное исправление границ возможно только на основе материалов, согласо-

ванных в Паритетной комиссии в порядке землеустройства». Впоследствии по решению Паритетной комиссии произошел частичный обмен территориями, части населения было разрешено переселиться, споры между русским и бурятским населением к 1930 г. были разрешены [26, л. 364].

После окончательного утверждения советской власти в Сибири большевики придают большое значение развитию кооперативного движения в деревне. Партийное руководство пыталось использовать революционный энтузиазм бывших красных партизан для создания сельскохозяйственных коммун. Коммунисты полагали, что коллективное хозяйство гораздо эффективнее единоличного, оно является более совершенной формой землепользования, за которым стоит будущее. По данным «Сибирской советской энциклопедии», на территории Иркутской губернии в 1920 г. насчитывалось 35 коллективных хозяйств, в 1921 г. — 55 [23, с. 811]. На 1922 г. приходится пик развития коммунальных хозяйств Сибири, их насчитывается более 3 тыс. (в том числе 997 колхозов). Однако в скором времени, с развитием нэпа, кооперативное движение пошло на спад, а существующие коллективные хозяйства стали постепенно распадаться. ОГПУ констатировало, что «к 1925 г. в Иркутской губернии существовало всего 18 коммун и артелей, из которых 8 было организовано накануне, в том же 1925 г., и почти все они были слабыми из-за отсутствия компетентных руководителей. Наиболее мощными были артели “Молодые всходы” (Иркутск) и “Егорова” (Усольская волость)» [17, л. 2].

Причинами распада коллективных хозяйств было, с одной стороны, желание отдельных крестьян выйти из коммуны с целью развивать свое хозяйство самостоятельно, с другой стороны, причинами являлись банкротство, неэффективность и несостоятельность, убыточность коммун, ТОЗов (товарищества по совместной обработке земли) и сельхозартелей.

Например, «в 1921 году в деревне Топки Черемховского уезда в коммуну объединились несколько семей. Председателем коммуны стал Степан Сарапулов — член РКП(б). Как только отметили продрозверстку, разрешили частную собственность и торговлю, а вскоре утвердился НЭП, то многие середняки из коммуны вышли, чтобы развивать собственное дело. В итоге к 1926 г. в коммуне у деревни Топки осталось из 10 семей только 2 — Сарапулова и Кобелева. Они держались только во имя идеи» [2, с. 81, 82].

Отмечались постоянные случаи роста задолженности коллективных хозяйств, многие из которых в итоге полностью разорялись. К примеру жители пос. Чикама высказывали недовольство коммуне «Пионер», которая, по их мнению, имела

«эксплуататорский помещичий характер». Крестьяне говорили: «Какая это коммуна, когда там осталась и владеет одна семья Панариных, которая выезжает на наемных батраках, да и тех обсчитывает». Так, например, батрак В.Д. Рудых жалуется, что за поденную работу, 29 дней, его обсчитали на 6 пудов 30 фунтов хлебом в 4 р. 90 коп. деньгами. «Это не коммуна, а грабители», — говорил Рудых. Другой батрак, К. Литыхнов, обсчитанный при расчете на 3 пуда хлеба, требовал суда. В итоге 24 января 1926 г. было постановлено окончательно ликвидировать коммуны «Пионер» [27, л. 36].

Тем не менее, рост числа коллективных хозяйств продолжался, но их количество до 1928 г. оставалось незначительным. По всему Приангарью к этому времени насчитывалось 36 коммун, 41 сельхозартель, 78 ТОЗов. Их численность была непостоянной, одни быстро распались, другие возникали и сливались в один колхоз. Больше всего коллективных хозяйств (по 17) было в Иркутском, Заларинском и Тайшетском районах, меньше всего (по 5) — в Братском, Слюдянском и Нижнеилимском районах [28, с. 257].

Таким образом, несмотря на то, что советские руководители видели в коллективных хозяйствах будущее, на практике, в условиях нэпа, этот тип землепользования показал свою полную несостоятельность и не смог конкурировать с индивидуальным крестьянским хозяйством, да и сами крестьяне не горели особым желанием вступать в такого рода объединения. Крестьянское кооперативное движение в первый период своего существования потерпело полный провал. Коллективизацию всего сельского хозяйства возможно было осуществить только административно-принудительным способом.

С 1927 г. вектор государственной политики меняется. Рыночные способы поддержки сельского хозяйства сменились административными мерами, направленными на переустройство всей аграрной сферы на социалистических началах. В октябре 1927 г. было издано постановление бюро Сибирского краевого комитета ВКП (б) о колхозном строительстве. Это постановление констатировало, что основные слои крестьянства подготовлены для широкого колхозного движения на основе обобществления хозяйств и усиления удельного веса бедняцкой прослойки в простейших кооперативах.

Партийное руководство отказывается от мер государственной поддержки индивидуального крестьянского хозяйства. Вместо этого ужесточается налоговая политика, которая стала носить еще более ярко выраженный классовый характер. С осени 1928 г. было введено новое исчисление сельхозналога, средний размер повышения кото-

рого по Сибири определялся на 40 %. Все бедняцкие хозяйства с доходом до 200 р. (примерно 38 % всех хозяйств) освобождались от уплаты; для 37 % хозяйств с доходом до 400 р. налог уменьшался с 40 до 10 %; для 13 % хозяйств с доходом 450–500 р. налог увеличивался с 40 до 50 %. Для 12 % хозяйств с доходом свыше 550–1100 руб. налог составлял 25 % от общего дохода. Таким образом, 25 % крестьянских хозяйств облагались самым высоким налогом [28, с. 258].

В этот период статьи советских ученых-аграриев, содержащие разумные рекомендации по дальнейшему расширению рыночных механизмов в аграрной сфере, сменяются марксистско-ленинской фразеологией и апологетикой плановой экономики: «Основным отличием советской формы хозяйствования является его строго плановое построение. Социалистическое хозяйство является, прежде всего, плановым, построенным на всесторонне и правильно поставленном учете и рациональном использовании производительных сил» [29 с. 1].

В конце 1920-х гг. по всей стране происходит разгром многих научных сельскохозяйственных школ. В Ленинградской лесотехнической академии и в Институте народного хозяйства и народов Севера, где сложилась группа прогрессивных охотоведов производственного направления, разразился политический погром. В науке были разоблачены вредительские буржуазные теории проф. М.М. Орлова, Г.Ф. Морозова и др. Все концепции Д.К. Соловьева реакционны. Его труды представляют собой «махровую контрреволюционную вредительскую теорию» — яркий показатель борьбы против генеральной линии партии [30, с. 6]. Эти факты еще раз символизировали ужесточение государственного курса в отношении сельского хозяйства.

Весной 1929 г. советское руководство возвращается к насильственным методам хлебозаготовок времен военного коммунизма, а еще через полгода начнется сплошная коллективизация, которая будет символизировать окончательный поворот власти в сторону командно-административного подчинения аграрной сферы и переустройства всего землепользования на коллективных началах.

На протяжении 1920-х гг. советская аграрная политика в Сибири и на территории Приангарья в частности имела свою специфику. В связи с тем, что на территории региона не было интенсивных боев Гражданской войны, а политика военного коммунизма продолжалась примерно около года, сельскому хозяйству Приангарья был нанесен гораздо меньший урон, чем в губерниях Центральной России.

Однако в 1920-е гг. местные власти оказывали слабую финансовую и материальную помощь аг-

рарной сфере. Сибирское советское руководство осуществляло более жесткую политику по отношению к крестьянству, чем в Европейской России, что ярко выразилось в политике сдерживания закупочных цен, а также применении командно-административных мер воздействия к крестьянским хозяйствам, зачастую даже вопреки желанию центрального советского руководства. Эти факторы тормозили развитие сельского хозяйства.

На политику советского руководства в Приангарье в отношении крестьянства оказывал влияние фактор национального вопроса. Создание бурятской национальной автономии привело к земельным и налоговым спорам между русским и бурятским крестьянским населением. Разрешение этой проблемы происходило крайне тяжело и завершилось только в конце описываемого периода.

Таким образом, следует прийти к следующим выводам. В первые годы своего правления большевики применяли исключительно чрезвычайные меры в отношении сельского хозяйства, выраженные в насильственном изъятии продоволь-

ствия и запрете свободной торговли. Партийные руководители воспринимали деревню исключительно как источник ресурсов и поле для социальных экспериментов. Однако под давлением обстоятельств советское государство вынуждено было перейти к нэпу, дав возможность крестьянину самостоятельно вести свое хозяйство и свободно пользоваться результатами своего труда. Несмотря на то, что государство проводило активную поддержку аграрной сферы кредитованием, выполняло землеустройство, пыталось внедрить более прогрессивные способы ведения хозяйства, это не означало, что советское государство отказывалось от планов окончательного переустройства села на социалистических принципах. Уступки по отношению к земледельцам оставались непрочными, и в конце концов партийное руководство вернулось к командно-административным методам воздействия на деревню, что выразилось в отказе от рыночных принципов и начале сплошной коллективизации, завершившейся становлением нового социалистического порядка.

Литература

1. Черных А.В. Земледелие и зерновое хозяйство Иркутской губернии и обеспеченность населения хлебом // Материалы Иркутского губ. стат. бюро. Иркутск, 1923. Вып. 13. 34 с.
2. Зубарев Н.К. Очерки истории Черемховского района. Иркутск: Изд. центр журнала «Сибирь». 2004. 271 с.
3. Отчет о деятельности комиссии по оказанию помощи разоренным хозяйствам // ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.). Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 120.
4. Отчет о ходе помощи населению, пострадавшему от действий кашпелевцев // (ГАИО). Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 316.
5. Набат. 1920. № 218. 6 дек. 1920.
6. Галузин Х. К истории продразверстки в Иркутской губернии // ГАНИИО (Гос. арх. новейш. истории Иркутской обл.). Ф. 300. Оп. 1. Д. 553.
7. Доклад статистического подотдела Губпродкома о принципах разверстки // ГАИО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 120.
8. Очерки Иркутской организации КПСС / ред.-сост. С.А. Меркурьев, А.Я. Шапранова. Иркутск, 1976. Ч. 2, Кн. 1. 398 с.
9. Власть труда. 1922. № 641. 3 янв.
10. Сведения и информационные материалы Иркутского отдела ОГПУ за 1924 г. // ГАНИИО. Ф.1. Оп. 1. Д. 1821.
11. Отчет Иркутского губернского земельного управления // ГАНИИО. Ф.1. Оп. 1. Д. 1987.
12. Доржиев Д.Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-е годы (Хроника языком документа). Улан-Удэ, 1993. 82 с.
13. Шаламов В.А. Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.: на материалах Иркутской области и Красноярского края: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011.
14. Сводка ОГПУ с 1 января по 1 апреля 1925 года // ГАНИИО. Ф.1. Оп. 1. Д. 2200.
15. Сведения о работе сельхозкредита // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2575.
16. Материалы сельского хозяйства губернии, 1925 // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2191.
17. Власть труда. 1925. № 1575. 26 марта 1925.
18. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. / под общ. ред. М.К. Азадовского, А.А. Ансона, М.М. Басова. Новосибирск, 1930. Т. 2.
19. Бодяк М.Г., Степанова Н.Г. Аграрная политика правительства Сибири в XIX – начале XX веков / ИрГАУ // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы VII междунар. науч.-практической конф. Иркутск, 2018. Ч. 2. С. 243–249.
20. Общие сведения о работе земотдела // ГАНИИО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 743.
21. Бодяк М.Г. Коллективизация сельского хозяйства на территории Приангарья / ИрГАУ // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы VII междунар. науч.-практической конф. Иркутск: Изд-во ИрГАУ. 2018. Ч. 2. С. 257–268.
22. Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1927. 89 с.
23. Сухомиров Г.И., Вашукевич Ю.Е., Суслов И.О., Камбалов В.С. Василий Николаевич Скалон – создатель Сибирской школы охотоведения и охраны природы / ИрГАУ // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы VII междунар. науч.-практической конф. Иркутск, 2018. Ч.1. С. 6–11.